

Сергей Чувашов

**Непрощённые.
Современный
любовный роман**

Сергей Юрьевич Чувашов

Непрощённые. Современный любовный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73386708

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет спустя Егор и Алиса возвращаются в город, который они покинули, чтобы забыть друг друга. На вечере встречи выпускников они – полные противоположности: он, циничный IT-предприниматель из Москвы, считает прошлое закрытой главой; она, талантливый реставратор из Петербурга, до сих пор носит шрамы от школьных обид. Когда организатор мероприятия срывается, бывшие враги поневоле становятся соорганизаторами.

Вынужденное сотрудничество в старых стенах школы оборачивается чередой столкновений, неловких моментов и неожиданных откровений. Но под слоем старой ненависти и язвительных шуток просыпается что-то иное – притяжение, которого они так боялись. Смогут ли они отделить людей, которыми стали, от подростков, которыми были? Роман о том, как самые сложные ошибки прошлого иногда оказываются единственным ключом к будущему.

Сергей Чувашов

Непрощённые.

Современный

любовный роман

Глава 1: Приглашение (и отказ)

Егор

Приглашение пришло в среду, в тридцать пятую минуту совещания, которое должно было закончиться полчаса назад. Уведомление на часах мигнуло беззвучно, но настойчиво: «Вас отметили в комментарии. Выпускники 10 лет спустя!».

Егор Цветков отвёл взгляд от графиков на огромном экране и потянулся к телефону, будто машинально. Пальцы скользнули по холодному стеклу. Группа в соцсети, которую он заархивировал лет семь назад и благополучно забыл, ожила. Яркая, кричаще-радостная открытка с цифрой «10», конфетти и силуэтами танцующих людей. Под ней – десятки восклицательных знаков, эмодзи с улыбками и ностальгические комментарии бывших одноклассников, чьи лица слились в одно размытое пятно памяти.

«Отличная идея!», «Обязательно буду!», «Уже скучаю!».

Циничная усмешка сама собой искривила его губы. Скучаю. Скучают по тем, кого помнят. А кто помнит его здесь? Надменного ботана Цветкова, вечно сидящего в кабинете информатики или язвительно комментирующего ответы у доски? Его запомнили. Но скучали ли по нему?

Он собирался просто закрыть уведомление, выкинуть это навязчивое напоминание о подростковом аде в самый дальний угол цифрового небытия. Но палец замер. Прокрутил список отметившихся. И наткнулся на имя. Всего три буквы, которые врезались в сознание с чёткостью лазерной гравировки.

А. Соколова.

Алиса.

В груди что-то резко и глухо ёкнуло, как будто отозвалась давно зарубцевавшаяся, но не забытая мышца. Ненависть. Да, это было именно оно – холодное, отточенное за годы совместного обучения чувство. Не детская дразнилка, а взрослое, осознанное противостояние. Они были полюсами одного магнита, которые с одинаковой силой и отталкивались,

и... Нет, только отталкивались. Между ними никогда не было ничего, кроме лезвий остроумия, брошенных на переменах, и ледяных взглядов через весь класс.

«Она тоже поедет», – констатировал он мысленно. И почему-то это не вызвало желания тут же отписаться. Вызвало странное, щекочущее нервы любопытство.

– Егор, по второму кварталу прогноз выглядит перегретым, – раздался голос финансового директора. – Нужно скорректировать...

– Перенесите, – отрезал Егор, вставая. Все восемь человек за столом замолчали, уставившись на него. – На завтра, на это же время. У меня срочное.

Он не уточнил, что именно срочное. Просто вышел из зала совещаний с видом человека, которому нужно спасти мир. Стелянные стены его офиса в «Москва-Сити» открывали панораму на бездушный лес из бетона и стекла. Его мир. Чёткий, быстрый, управляемый. Мир, где он был боссом. Где не было места школьным обидам и розовощёким открыткам о встречах выпускников.

Он сел в кресло, взял телефон. Большой палец завис над кнопкой «ОТКЛОНЕНИЕ». А потом вдруг, почти против

своей воли, ткнул в «ПРИНЯТО».

«Цветков Егор – будет».

Пусть видят. Пусть все они увидят, что надменный ботан не просто выжил, а преуспел так, как они и мечтать не могли. Пусть она увидит.

Он отправил подтверждение и откинулся на спинку кресла, глядя, как за окном зажигаются вечерние огни. Где-то там, за тысячу километров, был город, который он покинул, как беженец – без оглядки, без сожалений. Город-призрак. И теперь он сам, добровольно, подписал себе пропуск туда. На один вечер.

В горле стоял знакомый горьковатый привкус. Привкус старой войны, которая, казалось, вот-вот снова объявит перемирие сомнительным.

Алиса

Приглашение Алиса нашла не в соцсети, а в спаме старой почты. Забавно. Алгоритмы посчитали, что ностальгия – это разновидность мошенничества. Она почти согласилась с ними.

Она сидела на деревянных подмостках в полутьме храма, осторожно стирая влажным тампоном многовековой слой копоти с фрагмента орнамента на своде. Пыль висела в луче налобного фонарика золотистой взвесью. Тишина здесь была плотной, звучной, прерываемой лишь скрипом лесов и шорохом кисти. Это был её мир. Мир, где время текло иначе, где можно было годами возвращать к жизни один квадратный метр истории.

Перерыв на чай. Холодный, пасмурный питерский день пробивался сквозь высокие узкие окна. Она достала бутерброд, разблокировала телефон, чтобы включить подкаст, и среди рекламы кредитов и писем от интернет-магазинов мелькнуло знакомое название школы.

Сердце не ёкнуло. Оно сжалось. Тихо и безвозвратно, как старая раковина мидии. Десять лет. Неужели прошло уже десять лет?

Она открыла письмо. Та же открытка, те же восторженные комментарии. Она пролистала их, чувствуя, как нарастает лёгкая, знакомая тошнота. Все такие успешные, такие счастливые, такие... далёкие. А она здесь, в пыли веков, со своими кистями и неразрешёнными вопросами.

Потом она увидела его имя. В списке тех, кто «будет». Е.

Цветков.

Воздух будто выкачали из пространства вокруг. Алиса судорожно глотнула холодного чая, но комок в горле не прошёл. Егор Цветков. Её школьный антихрист. Человек, чей один лишь насмешливый взгляд мог испортить ей неделю. Их вражда была легендой класса. Они соревновались во всём: в учёбе, в олимпиадах, даже в том, кто хмурее промолчит на школьном совете. И всегда, всегда между ними висело невысказанное, тяжёлое, как свинец, напряжение. Какое-то дикое, недетское понимание, что они – два одинаковых заряда, обречённых отталкиваться.

Он станет успешным, говорили все. И он стал, судя по всему. IT-предприниматель, Москва. Мир больших денег и высоких технологий, диаметрально противоположный её тихой, кропотливой вселенной.

«Зачем?» – спросила она себя. Зачем ему это? Чтобы покрасоваться? Чтобы посмотреть на неудачников, застрявших в прошлом?

А зачем ей?

Ответ пришёл не из головы, а из потемневших углов храма, от ликов святых, с которых она снимала вековую грязь.

Чтобы закрыть гештальт. Чтобы посмотреть в глаза своему страху, своему раздражению, своему... чему-то ещё, чему она никогда не давала имени. Чтобы доказать себе, что Алиса Соколова, тридцатилетняя женщина, реставратор, прошедшая через свои личные битвы, больше не та шестнадцатилетняя девочка, которая дрожала от ярости, получая его извительные смски.

Её пальцы, испачканные охрой и умброй, зависли над экраном. Она потянулась за салфеткой, вытерла их, будто готовясь к важному ритуалу. Потом вернулась к письму.

Она не стала писать восторженный комментарий. Просто отметила себя в графе «буду». Без смайликов, без восклицаний. Констатация факта.

За окном храма снова пошёл мелкий, колючий дождь. Петербург плакал стёклами трамваев и блеском мокрой брусчатки. Она выключила фонарик, и тьма храма мягко обняла её. Тишина вернулась, но теперь она была другой. В неё вплелось новое звучание – отдалённый гул приближающегося прошлого.

Она снова взглянула на телефон. На два коротких слова: «А. Соколова – будет».

И на одно, стоящее где-то там, далеко, в другом столбце: «Е. Цветков – будет».

Пусть будет. Через десять лет они снова окажутся в одном поле. В одном зале. На расстоянии вытянутой руки. Она не знала, чего ждать. Но знала одно – равнодушной эта встреча не будет.

Ветер с Невы завыл в щели лесов, и Алиса невольно поёжилась. Было холодно. Холодно, как в тот осенний день, когда они в последний раз пересеклись взглядами на школьном пороге, прежде чем навсегда разойтись в разные стороны.

Она не стала ждать, пока дрожь пройдёт. Включила фонарик, и луч снова вырвал из тьмы тонкие линии византийского орнамента – терпкий, переплетённый узор, который пережил войны, пожары, забвение. Её пальцы, уже сами по себе, потянулись к кисти. Работа всегда была лучшим убежищем. Сегодня она действовала почти с отчаянием, счищая наслоения веков с таким усердием, будто под ними скрывался не старинный рисунок, а ответ на вопрос, зачем она только что нажала эту кнопку.

Через полчаса её настиг Илья, техник-реставратор, с двумя бумажными стаканчиками в руках.

– Соколова, ты тут как призрак в полутьме. Греюсь. Дер-

жи.

Он протянул ей дымящийся чай. Алиса слезла с подмостей, приняла стакан, чувствуя, как жар проникает через картон в заочневшие пальцы.

– Спасибо.

– Что-то случилось? – Илья присел на ящик с инструментами, наблюдательно щурясь. Он работал с ней три года и научился считывать её тишины.

– Нет. Да. Пригласили на встречу выпускников. Через десять лет.

– О! – лицо Ильи расплылось в улыбке. – Ностальгия. Это же здорово. Увидишь, кто как вырос, разбогател, обзавёлся потомством...

– Именно это меня и пугает, – тихо сказала Алиса, сделав глоток. Жидкость была обжигающей и безвкусной.

– Ага, понимаю. Вселенский смотр успехов. Но ты-то чего боишься? У тебя всё в порядке. Работа крутая, хоть и не про золотые унитазаы. Квартира в городе. Независимость.

Он не понимал. Не мог понять, что страх был не перед оценкой, а перед встречей с одним-единственным человеком, который когда-то был эталоном всего раздражающего, сложного и... значимого.

– Там будет один человек, – вырвалось у Алисы, прежде чем она успела заткнуть себе рот чаем. – С которым мы... ну, мы ненавидели друг друга в школе. Серьёзно ненавидели.

Илья присвистнул.

– Классика. А теперь он олигарх с яхтой?

– IT-предприниматель. В Москве.

– Ещё лучше! Враг народа, – засмеялся Илья. – Ну и что?

Поедешь, посмотришь ему в глаза, поймёшь, что он просто человек в дорогом пиджаке, и успокоишься. Может, даже выпьете вместе за старые грехи.

Мысль о том, чтобы разделить с Егором Цветковым что-либо, даже воздух в одной комнате, вызвала новую волну внутреннего сопротивления.

– Не думаю, что это будет так просто, – пробормотала она.

– Знаешь, что, Соколова? – Илья допил свой чай и смял стакан. – Ты слишком много копаешься в прошлом. Мы с тобой целыми днями воскрешаем старину. Не пора ли дать прошлому спокойно лежать в своём гробу?

Он шутил, но его слова попали точно в цель. Она и жила прошлым. Чужим, многолетним. Своё же собственное закопала так глубоко, что теперь боялась к нему прикоснуться.

– Может, и пора, – согласилась она, не веря своим словам.

Вечером, в своей маленькой квартире на Петроградской, Алиса устроила себе «допрос с пристрастием». Она залезла в ту самую заархивированную группу и нашла его профиль. Фотография была строгой, деловой: Егор в тёмной рубашке, на фоне панорамного окна с видом на незнакомые ей московские высотки. Выражение лица спокойное, уверенное, взгляд направлен чуть в сторону от камеры, будто он

уже видит следующую цель. Ни тени той едкой, язвительной усмешки, которую она помнила. Он выглядел... чужим. Успешным, отлакированным, завершённым.

Она быстро закрыла вкладку, чувствуя себя шпионом-неудачником. Потом, уже лёжа в темноте и слушая, как за окном моросит тот самый вечный дождь, она позволила памяти выдать картинку. Не его нынешнее фото, а старое, школьное. Тонкое, нервное лицо, слишком умные и слишком колючие глаза за стеклами очков, которые он потом, кажется, сменил на линзы. И тот последний день. Осень. Они столкнулись в дверях школы, оба с папками с документами для вузов. Он что-то сказал. Что именно? Сводки памяти стёрли слова, оставили только интонацию – холодную, отстранённую, будто они были не одноклассниками, отмучившими одиннадцать лет бок о бок, а случайными попутчиками, которым надоело ждать один автобус. Она что-то бросила в ответ. И они разошлись. Навсегда.

Тогда ей казалось, это освобождение. Теперь, спустя десять лет, это чувствовалось как незаконченное предложение в длинном тексте.

Егор

Ночь после принятого приглашения Егор провёл не в размышлениях, а в действии. Его мозг, воспитанный на agile-методологиях и спринтах, сразу перевёл «встречу выпускни-

ков» в разряд проекта. Проекта с высокими рисками и неочевидной выгодой, но проекта.

Он заказал билет на «Сапсан» до родного города на пятницу вечером и обратно на воскресенье утром. Минимум времени на грунте. Забронировал номер в самом новом отеле города – не в гостинице своей юности с коврами на стенах, а в стеклянном building с spa и breakfast included. Компенсация.

Потом он написал сообщение в общий чат встречи, который уже бурлил обсуждением меню и конкурсов: «Цветков. Буду. По оргвопросам могу подключиться». Коротко, сухо, по-деловому. Сразу обозначил дистанцию. Ответы посыпались почти мгновенно: «Ого, Егора с нами!», «Привет, заходи!», «Как дела-то, звезда?». Он прочитал, не отвечая. Смайликов не ставил.

Затем он сделал то, чего не планировал. Открыл профиль Алисы. Он существовал, но был почти пустым. Аватар – не лицо, а фотография фрески, какая-то деталь, золотой фон и тёмный лик. Посты редкие, в основном ссылки на статьи о реставрации, фото фрагментов работ без комментариев. Никаких селфи, никаких отметок «в чудесном месте с чудесными людьми», никакой личной жизни. Информационная стерильность. Его это раздражённо заинтриговало. В мире, где каждый выкладывает завтрак, такое молчание казалось или высокомерием, или глубокой закрытостью. Соколова всегда была второй.

Он закрыл ноутбук. За окном его высотки Москва нико-

гда не спала, мерцая миллионами огней. Здесь, на тридцатом этаже, не было слышно ни ветра, ни дождя, только приглушённый гул системы вентиляции. Идеальная звукоизоляция от мира. Скоро ему предстояло выйти из этого кокона.

На столе лежал отчёт по новому проекту – разработка алгоритма для прогнозирования культурных трендов. Ирония не ударила его, а тихо ткнула в бок. Культурные тренды. А как насчёт личных? Как насчёт тренда под названием «возвращение в юность», коэффициент погрешности – 99,9%?

Он потянулся за телефоном, собираясь отменить всё. Просто не приехать. Сказать, что сорвалась важная сделка. Все бы поняли. Все, кроме него самого.

Палец завис. В памяти всплыло не её школьное лицо (оно почему-то упорно не хотело появляться), а ощущение. Ощущение живого, острого сопротивления. На всех его язвительных комментариях у неё всегда находилась своя, более точная, более убийственная реплика. Она была единственным человеком, которого он не мог словесно подавить. Это бесило. И... да, признаться самому себе в тишине кабинета... заводило. Адреналин от их словесных дуэлей был чище и сильнее, чем от любой победы на олимпиаде.

Он не отменил билет.

Вместо этого он встал, подошёл к панорамному окну и упёрся лбом в холодное, абсолютно прозрачное стекло. Внизу, в темноте, текли огни машин, похожие на раскалённую лаву. Он ехал не для ностальгии. Не для того, чтобы похва-

статья. Он ехал для... проверки. Проверки себя. Проверки того, осталось ли между ними то самое магнитное поле отталкивания, или время стёрло и его. И если стёрло – то что лежит под ним?

На стекле перед его лицом образовалось лёгкое мутное пятно от дыхания. Он отошёл, оставив его исчезать.

Проект «Выпускной-10» перешёл в статус «В работе». Осталось только дожидаться дня выезда. И понять, что он будет делать, когда увидит её впервые за десять лет. Сказать «привет»? Кивнуть? Или просто встретиться взглядами, как тогда, на пороге, и дать прошлому шанс наконец доразыграть свой финал?

Ветер за окнами питерской квартиры Алисы и идеальная тишина московского небоскрёба Егора – разные, но одинаково эффективные звукоизоляторы от надвигающегося будущего. Оба уже сделали шаг. Теперь поезд, мчащийся сквозь ночь, был лишь вопросом времени.

Глава 2: Поезд навстречу прошлому

Алиса

«Сапсан» был другим миром. Стерильный, стремительный, лишённый запахов. Алиса, привыкшая к терпковатой пыли старины и сырому дыханию Невы, чувствовала себя здесь немного чужой. Она заняла место у окна, положила на

соседнее сиденье потрёпанную кожаную сумку с блокнотом и карандашами – верными спутниками в любой поездке. За окном проплывали задние двory Петербурга, серые, облупленные, затем сменившиеся бескрайними влажными полями и чахлыми перелесками. Осень здесь, за городом, была откровеннее и суровее. Деревья стояли голые, чёрные ветви чесали низкое свинцовое небо. Дождь стекал по стеклу частыми, косыми струйками, искажая пейзаж до состояния акварели, по которой провели мокрой кистью.

Она пыталась читать статью о новых методах консервации штукатурки, но буквы расплывались. Вместо текста перед внутренним взором вставали обрывки: смех в школьной столовой, запах типографской краски от новых учебников, скрип тормозов старого автобуса №5, на котором они ездили на тренировки... И его лицо. Чётче, чем вчера. Очки, сдвинутые на переносицу, когда он смотрел в монитор. Резкая линия скулы, когда он поворачивался, чтобы бросить реплику через весь класс. Тихий, но отчётливый звук его шагов по коридору – она научилась узнавать их еще за поворотом.

Телефон вибрировал в кармане куртки. Новое сообщение в общем чате встречи. Организатор, какая-то Настя из их параллели, писала о проблемах с залом: «Ребята, небольшой форс-мажор! Зал в «Центре» залило из-за потопа этажом выше. Ищем варианты срочно! Может, у кого-то есть идеи?»

В чате началась лёгкая паника. Алиса машинально подумала о ДКЖ, старом Дворце культуры железнодорожников, с его огромным, слегка обшарпанным, но аутентичным залом в стиле сталинского ампира. Она даже начала набирать. «Можно попробовать...» – но остановилась. Зачем лезть? Пусть решают те, кто тут живёт и всё знает.

И в этот момент она увидела его ответ. Всего одна строчка, выскочившая на экране под его именем.

Е. Цветков: «Есть контакт в мэрии. Уточню по запасному варианту в школе №1. Их актовЫЙ после ремонта. Отпишусь через час».

Деловито. Без эмоций. Как отчёт подчинённому. Но это сработало. Чат успокоился, посыпались благодарные стикеры. Алиса удалила свой начатый и неотправленный ответ. Конечно. Он уже здесь, ещё даже не приехав, всё решает. Таков его мир – мир контактов и решений «через час». Мир, в котором нет места спонтанным потопам и поискам идей в чате. Мир контроля.

Она отложила телефон и снова уставилась в окно. Пейзаж за окном потемнел, будто кто-то прибавил контраста. Контроль. А что, если он всё ещё пытается контролировать и эту ситуацию? Их встречу? Её? Мысль была абсурдной и от того ещё более беспокоящей.

Егор

Его «Сапсан» шёл на час позже. Егор взял первый ряд в бизнес-классе, расстелил салфетку на столике, поставил ноутбук. Он планировал провести эти три часа с пользой: доделать презентацию. Но после отправки сообщения в чат и короткого звонка своему бывшему однокласснику, который теперь работал в горадминистрации, сосредоточиться стало невозможно.

Он откинулся в кресле, смотря, как за окном мелькают унылые индустриальные пейзажи Подмосковья. Школа №1. Их школа. Тот самый актовый зал, где они когда-то защищали свои глупые проекты, где проходили новогодние «огоньки», где он в последний раз... Нет, лучше не вспоминать.

Он достал телефон, снова открыл её профиль. Все те же скудные данные. Но теперь он рассмотрел деталь: в графе «образование» помимо реставрационного училища значился какой-то университет в Сиене, Италия. Краткосрочные курсы. Значит, она выбиралась. Видела мир. Не просто закопала себя в питерском храме.

Почему это его интересовало? Потому что это ломало шаблон. Шаблон, в котором за десять лет Алиса Соколова должна была превратиться либо в затюканную жизнь провинциальную девушку, либо в яркую феминистку, пишущую гневные посты. А она превратилась в специалиста с международным опытом, который молча делает своё дело. Это бы-

ло... достойно уважения. Раздражающе достойно.

Поезд мчался сквозь набирающие силу сумерки. В стекле, кроме отражения салона, уже стало видно его собственное лицо – отражение человека, которого он построил за эти годы. Уверенного, слегка уставшего. И где-то глубоко в глазах, в той точке, куда не добирается свет салонных ламп, – сомнение. Оно копошилось, как червь, с того момента, как он отправил то сообщение про зал. Он втягивался. Втягивался в эту игру, в эту организацию. Втягивался в общее пространство с ней.

Он резко захлопнул крышку ноутбука. Закрыв глаза. Но вместо темноты перед ним возник образ. Не её лицо, а её руки. Такие, какими он их представлял: не ухоженные, маникюрные, а живые, рабочие. Возможно, со следами краски, с мелкими царапинами. Руки, которые что-то творят, а не просто печатают код или подписывают документы. Руки, которые касаются истории.

Он открыл глаза, раздражённо моргнув. Это была уже не проверка. Это стало чем-то большим. Любопытством? Нет, слишком слабое слово. Вызовом. Ему вдруг страстно захотелось увидеть, сломает ли реальная, тридцатилетняя Алиса тот хрупкий, зацементированный временем образ врага, который он так бережно носил в себе все эти годы. И что он найдёт на его месте.

За окнами обоих поездов день окончательно угас, сменив-

шись чёрной, непроглядной пеленой ночи, в которую лишь изредка врывались одинокие огоньки деревень или яркие кластеры городков. Они мчались навстречу друг другу и своему общему прошлому по параллельным рельсам, разделённые всего десятком километров и сотней минут.

Алиса нарисовала в блокноте абстрактный узор – бесконечную линию, которая петляла, пересекала саму себя и никуда не приводила.

Егор так и не открыл ноутбук снова, просидев всё время, глядя в своё отражение в тёмном стекле.

Когда динамики объявили о приближении к конечной точке, оба почувствовали одно и то же: лёгкий, холодный спазм где-то под рёбрами. Страх? Нет. Предвкушение. Острое, щекочущее нервы предвкушение битвы, которая вот-вот должна была начаться. Они не знали, что их ждёт в этом городе. Но они уже знали, что ждут друг друга.

Поезд начал сбавлять ход. Фонари перрона, мелькая, заглянули в окна, осветив на мгновение два напряжённых лица – одно в вагоне №03, другое в вагоне №08.

Они приехали.

Алиса

Перрон встретил её знакомым запахом – смесью мазута, осенней сырости и сладковатого дыма от где-то жарящихся шашлыков. Запах провинциального вокзала, не менявшийся

десятилетиями. Она взяла свою одну сумку (паковалась на две ночи по принципу «минимум всего») и пошла по скрипящему настилу к выходу. Сердце почему-то колотилось не о прибытии, а о том, что где-то здесь, в этой же толпе, мог находиться он. Она ловила себя на том, что глаза сами собой выискивали в мужских силуэтах высокий рост, характерную стремительную походку. Безумие. Город не такой уж маленький.

Она вызвала такси через приложение. Пока ждала машину у старого, покрытого граффити павильона, смотрела на знакомую площадь перед вокзалом. Огромный рекламный баннер на здании напротив перекрывал полнеба. На месте старого книжного магазина сияла вывеска кофейни крупной сети. Но в углу площади всё так же ютился киоск «Союзпечати», и так же, как десять лет назад, горел тусклый жёлтый фонарь у входа в подземный переход. Время здесь текло лениво, меняя лишь фасады.

Такси приехало. «Куда?» – спросил водитель. Алиса на мгновение заколебалась. Сначала съездить к дому родителей? Он стоял на окраине. Но там теперь жили чужие люди. Сразу в гостиницу? Она назвала адрес небольшого бутик-отеля в историческом центре, который нашла по отзывам. «О, это рядом с вашей школой первой», – оживился таксист, трогаясь с места. – «Там сегодня что-то готовят, флаги

висят».

У Алисы похолодело внутри. Значит, он всё уладил. Зал в школе. И подготовка уже идёт.

– Да, встреча выпускников, – равнодушно сказала она, глядя в окно.

Город проплывал за стеклом, как декорация из сна. Вот парк, где они гуляли на переменах. Вот кинотеатр, где смотрели премьеры. Вот та самая остановка, где они часто оказывались случайно в одно время, стояли, уткнувшись в телефоны, и молча ненавидели друг друга все десять минут до прихода автобуса. Каждая улица была заряжена памятью, и теперь эти заряды начали тихо разряжаться, посылая по тебе слабые, но узнаваемые токси.

Егор

Егор вышел из вагона последним, с лёгким кейсом в руке. Он привык перемещаться налегке. Перрон был почти пуст. Он прошёл через здание вокзала, отметив про себя, что его отремонтировали, сделали стеклянные двери и стойки информации, но гулкое эхо под сводами осталось прежним. Голос диктора, объявляющий о прибытии поездов, звучал так же глухо и безнадёжно, как и в восемнадцать, когда он уезжал навсегда.

Его ждала машина с водителем – услуга, которую он заказал через московский сервис. Чёрный внедорожник пла-

но подкатил к тротуару. «В отель «Mergury», пожалуйста», – сказал Егор, опускаясь на кожаном сиденье. «Понял. Хороший у вас отель, самый новый у нас», – кивнул водитель.

Машина тронулась, и Егор погрузился в созерцание ночного города. Улицы, которые он когда-то исходил вдоль и поперёк, казались и знакомыми, и чужими одновременно. Фасады помолодели, появились яркие вывески, но геометрия пространства, повороты, перепады высот – всё это врезалось в мышечную память. Вот перекрёсток, где он разбил коленку, гоняя на велосипеде. А вот аллея, ведущая к школе. Он невольно повернул голову, когда они проезжали мимо. Школьное здание, подсвеченное софитами, выделялось в темноте массивным тёмным силуэтом. В нескольких окнах первого этажа горел свет. Значит, там кто-то есть. Организаторы? Рабочие? Она?

Он откинулся на спинку сиденья, чувствуя, как нарастает странное, почти детское волнение. Завтра. Всё решится завтра. Вернее, начнётся.

Водитель, оказавшийся разговорчивым, спросил:

– Надолго к нам?

– На пару дней. Встреча выпускников.

– А, понятно. Ностальгия. Сам на свою двадцать лет назад ездил. Смешно, конечно. Все другие стали, а разговоры всё те же: кто, где, почём.

Егор промолчал. Разговоры «кто, где, почём» его не интересовали. Его интересовал один-единственный разговор, ко-

торый мог и не состояться. Или состояться, но превратиться в очередную дуэль. Мысль о дуэли почему-то больше не пугала, а будоражила кровь.

Алиса заселилась в свой отель – уютный, с деревянными лестницами и картинами местных художников на стенах. Её номер был под крышей, с небольшим слуховым окном. Она открыла его, впуская холодный ночной воздух. Где-то совсем близко, через пару кварталов, виднелось тёмное здание школы. Она могла разглядеть контуры спортивной площадки за ним.

В кармане зажужжал телефон. Сообщение от Насти, организатора: «Всем приехавшим огромный респект и реверанс! Завтра в 10 утра сбор в школе, в актовом зале. Приходите, будем доделывать украшения, разбирать реквизит и всё такое. Особенно нужны руки! Кто может – добро пожаловать!

Алиса вздохнула. «Особенно нужны руки». Её руки, умеющие восстанавливать разрушенное, теперь пригодятся для того, чтобы надувать шарики и развешивать гирлянды. Ирония судьбы. Она собиралась отказаться, но представила на минуту: а если он придёт? Чтобы проконтролировать свой «запасной вариант»? Чтобы показать, что он не только деньгами и связями помогает, но и «руками»?

Она потянулась к телефону и набрала короткое: «Я смогу прийти. Алиса».

Ответ пришёл почти мгновенно, но не от Насти. В общем

чате, под её сообщением, всплыла новая реплика.

Е. Цветков: «Я тоже буду. Подвезу нужные провода для звука. К 10».

Они снова оказались в одном цифровом пространстве, их имена – одно под другим. Всего два коротких сообщения, но между ними в тишине чата повисла целая вселенная невысказанного.

Алиса отложила телефон. Завтра в десять. В актовом зале. Десять лет спустя.

Она ловила себя на мысли, что уже представляет, как он войдёт в дверь. Высокий, в чём-то дорогом и небрежном, с тем самым новым, чужим выражением лица. И что она скажет? «Привет»? Или просто кивнет, как тогда на пороге?

За окном пронеслась машина, луч фар на мгновение выхватил из темноты ветку старого клёна, почти голую, трепещущую на ветру. Завтра.

Егор, стоя на балконе своего номера в «Мерсигу» с видом на ночной город, читал то же сообщение в чате. «Я смогу прийти. Алиса». Просто и без эмодзи. Он представил её в этом зале, возможно, уже что-то делающей, сосредоточенной и молчаливой. Ему вдруг дико захотелось, чтобы завтра настало быстрее. Чтобы эта нелепая, тянущаяся попытка ожидания наконец закончилась и началось что-то настоящее. Пусть даже это настоящее будет новой войной.

Он посмотрел в сторону, где должна была быть школа, утопая в тени других домов.

– До завтра, Соколова, – тихо сказал он в ночную прохладу, и слова тут же унесло осенним ветром.

Глава пути была закрыта. Впереди было столкновение.

Глава 3: Удар в солнечное сплетение

Утро было холодным и прозрачным, как лёд. Алиса вышла из отеля за пятнадцать минут до десяти, намеренно не торопясь. Она шла знакомыми улочками, и с каждым шагом сердце стучало всё глуше и тяжелее, будто отбивало отсчёт до неотвратимого события. Школа выросла впереди массивным, знакомым до боли силуэтом. Её отремонтировали: фасад очистили, окна заменили на пластиковые, но контуры остались теми же. Та самая серая громада, которая десять лет давила на плечи грузом ожиданий, оценок и немых драм.

Она вошла через главный вход. Внутри пахло по-новому – свежей краской, моющим средством, но под этим стойким ароматом витал призрак старого, родного запаха: мела, деревянных парт, мокрых пальто в гардеробе. Её шаги гулко отдавались в пустом вестибюле. Из актового зала доносились приглушённые голоса и звук включаемой аппаратуры.

Алиса остановилась у двери, сделав глубокий, будто последний в её жизни, вдох. Просто войди. Скажи «всем привет». Улыбнись. Она толкнула тяжёлую дверь.

Зал преобразился. Сцена была задрапирована тёмно-синим бархатом, на стенах висели гирлянды из фольги, ещё не включённые. Несколько человек, знакомых и не очень, возились со стопками стульев. В центре зала, спиной к ней, стояла высокая фигура в тёмно-серой куртке, разговаривая с Настей и показывая что-то на планшете.

Егор.

Он услышал скрип двери и обернулся.

Время не просто остановилось – оно схлопнулось. Все десять лет, вся дистанция, все их взрослые жизни рухнули в одну точку – в пространство между его взглядом и её. Удар был физическим: у Алисы перехватило дыхание, в глазах потемнело, а в солнечном сплетении что-то болезненно и горячее сжалось.

Он изменился. И не изменился вовсе. Черты лица стали твёрже, резче, исчезла юношеская угловатость. Очки сменились на почти невидимые линзы, и теперь его глаза – серые, очень внимательные – смотрели прямо, без привычного стеклянного барьера. Он был выше, шире в плечах, и в его позе читалась та самая уверенность, которую она видела на фотографии. Но выражение этих глаз, когда они нашли её, – это было то же самое. Острое, оценивающее, мгновенно ска-

нирующее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.